

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Памяти о. Л. Ронзевалля.

(† 2 апреля 1918 г.).

Среди последнего большого транспорта английских книг, прибывших в Азиатский Музей Российской Академии Наук, имеется, между прочим, одно французское издание. Это—VII том *Mélanges de la Faculté Orientale* (Université St-Joseph. Beyrouth—Syrie). Том интересен прежде всего самым фактом своего появления: между строк иногда есть возможность усмотреть некоторые черточки из жизни этого очага научного востоковедения за период в 7 лет, не легко прошедший и для Сирии. Восточный факультет не был восстановлен после войны; кончил он свою жизнь, таким образом, еще раньше петербургского собрата. Том печатался с 1914 по 1921 г. в очень разнообразных условиях: в помещенном здесь продолжении каталога восточных рукописей университетской библиотеки очень часто описание некоторых манускриптов оканчивается лаконичной, но много говорящей припиской *disparu durant la guerre*. Содержание тома так же богато и разнообразно, как раньше, и заслуживало бы специальной заметки. С большой радостью приходится видеть, что тяжелый период благополучно пережило не только само издание, но и оба ветерана бейрутской школы арабистов L. Cheikho и Ant. Salhani; работа последнего помечена мартом 1921 г. Предположение на основании возраста и здесь не оправдывается: том закончен некрологом их ученика, редактора *Mélanges* за последние десять лет, профессора Louis Ronzevalle, скончавшегося еще 2 апреля 1918 г.

При взгляде на эту грустную страничку с краткой заметкой невольно мне вспомнилось многое: аудитории восточного факультета с выходом на террасу громадного монастырского здания, где по вечерам 1908—1910 г. я слушал лекции Ронзевалля, вспомнились встречи с ним на Ливане во время летних каникул, — последняя работа, полученная мною перед самым началом

войны в Голландии, — последние вести о нем, привезенные из Бейрута Ю. Н. Марром уже после военного выступления Турции. Ронзевалль принадлежал к тем ученым, которые оставляют после себя не много работ, работы эти редко бросаются в глаза и только преподавательская деятельность и личное общение дают возможность правильно осветить скромную фигуру, замкнутую в самой себе. Учеников у Ронзевалля было мало и мне захотелось невольно поделиться тем, что я знаю про одного из своих бейрутских учителей.

Происходил Ронзевалль из французской аристократической семьи и родился 26 августа 1871 г. в Адрианополе, где отец его в то время был французским консулом. Бейрут и Сирия были ему близки с 1889 г.; довольно рано он принял монашество в ордене иезуитов и в 1904 г. получил священнический сан. Профессором бейрутского университета Ронзевалль был с 1905 г. сперва по арабскому литературному языку, а затем с 1907 г. и по арабской диалектологии. В 1911 г. он был переведен в основанный папой *Institutum Biblicum* в Риме, но связи с Сирией не порывал, приезжая туда каждый год на лето. Ронзевалль никогда не отличался крепким здоровьем и только большая сила воли позволяла ему, не теряя присутствия духа, переносить в течение многих лет тяжелый недуг, который и прервал его дни в Риме на 47 г. жизни.

Два лика было у Ронзевалля, как у большинства крупных бейрутских деятелей *Societatis Jesu*. Один был обращен к местному населению и оно часто не подозревало про существование другого. Для местных жителей «Абунā Люйс аз-згбйр» (о. Люис младший), как его звали все в отличие от Абунā Люйс ал-кбйр (старшего, т. е. L. Cheikho), был только катехизатор в аристократических пансионах Бейрута, проповедник на торжественных богослужениях, острый полемист по вопросам католицизма в органе иезуитов ал-Машрике, не жалевший тонких стрел по адресу каирских рационалистов. Ученой Европе был знаком только другой лик: редактора *Mélanges de la Faculté Orientale*, серьезного профессора, основательного лингвиста, редкого полиглота, погруженного казалось всецело в тонкости диалектологических вопросов. Не для всех оба лика можно было примирить в одном лице: невольно возникал праздный, но психологически интересный вопрос, который же из этих ликов настоящий? Строгая замкнутость и сдержанность даже в своей среде, всегда ровное обращение и завидная выдержка не давали ответа на этот вопрос, а между тем совершенно незабываемые глаза с отсветом какого то внутреннего, не физического страдания говорили о постоянном горении и сгорании, о том, что обладатель их и сам может быть не имеет ответа на этот вопрос. Может быть ответ таился в третьем лике Ронзевалля: он был выдающийся музыкант, не только теоретик, но испол-

нитель. В музыке его сдержанность исчезала: здесь слова не могли ничего выдать и он выливался целиком. Слушая его, как то трудно было верить, что эти звуки извлекает лингвист или монах.

И может быть не случайно первая крупная работа Ронзевалля посвящена именно музыке. В ал-Машрике за 1899 г. им был издан трактат Михаила Мешаки, автора середины XIX в.¹), представляющий попытку собрать воедино те традиционные данные об арабской музыке, которые до его времени были распространены в устной передаче. Трактат во многом не удовлетворителен, так как не базируется на основательной теоретической подготовке. Только объединение в лице Ронзевалля арабиста и музыканта дало возможность разъяснить большинство вопросов, не всегда отчетливых и для самого автора. И после 1899 г. Ронзевалль продолжал работать над этим трактатом, возбуждившим интерес в европейских знатоках восточной музыки. Вторым изданием его труд вышел в 1913 г. уже с приложением французского перевода и исследования в совершенно переработанном виде². Быть может, не без его влияния в бейрутской школе упрочился особый интерес к вопросам теории арабской музыки: профессор физики на медицинском факультете Collangettes является одним из лучших специалистов в этой области, труды которого пользуются заслуженной известностью в Европе³.

Если эта работа стояла в связи с личными интересами и вкусами Ронзевалля, то более случайными местными обстоятельствами был вызван его второй крупный труд, исполненный совместно с одним сирийским ученым J. Khalil. Это — издание и исследование по одной бейрутской рукописи друзского трактата, известного под именем послания Константину⁴. Изучение показало, что адресатом является византийский император Константин; автором послания, относящегося к 1028 г., повидимому, шейх Бехā ад-дйн, преемник первого друзского миссионера Хамзы. Главная заслуга Ронзевалля в том, что он впервые после капитального труда Silvestre de Sacy одновременно с Seybold'ом опять привлек внимание европейских ученых к писаниям этой секты. Его намерение издать впоследствии другие части *Biblia Druzica* осталось неосуществленным.

Невелико также число работ Ронзевалля, посвященных его любимой области — лингвистике. Лингвист по призванию, он здесь находил отвлечение

---

¹ Род. в 1800 г., ум. в 1888 г. (Краткие сведения о нем у L. Cheikho, *La littérature arabe au XIX-e siècle* — II, Beyrouth, 1910, стр. 123—125).

² *Un traité de Musique arabe moderne. Préface, traduction française, texte et notes (Mélanges de la Faculté Orientale* — VI 1913, 1—120).

³ О его работах я упоминал в статье «Восточный Факультет Университета св. Иосифа в Бейруте» (отд. отр. из Ж. М. Н. Пр. за 1910 г., стр. 39, прим. 1).

⁴ *L'épître à Constantin. Traité religieux druse* (MFO, III², 1909, 498—534).

от всех текущих, иногда обязательных, забот своего сапа и педагогических или редакционных трудов. Если он и тут оказался сравнительно мало производителен, то это находит объяснение не только во внешних обстоятельствах, но и в самом характере его научного подхода. Уже его лингвистические горизонты были очень широки сами по себе: интерес к ново-греческому и османскому языку постоянно вел борьбу с интересом к ново-арабскому. 13 лет жизни, проведенных в Адрианополе, давали Ронзеваллю право называть себя в шутку Эдирнавий, но Сирия для него стала второй родиной и он никак не успевал остановиться на одной области. Но этого мало: он был не только лингвист, но и полиглотт в обычном житейском смысле слова. При знакомстве с языком для него выступала на первый план произносительная техническая сторона. Ему хотелось овладеть каждым языком в совершенстве со всех сторон и только, когда это бывало достигнуто, он позволял себе перейти к научной работе над ним. Естественно, что при таком взгляде почти все время уходило на изучение, для которого новые перспективы всегда оставались безграничными, а для научной работы жизнь оказывалась короткой. Кроме ряда западно-европейских языков Ронзевалль владел как родным ново-греческим, османским и арабским; им и посвящены его лингвистические работы чисто аналитического характера, не стремящиеся к обобщениям.

Близкое знакомство с Балканами натолкнуло его на вопрос о турецких заимствованиях в ново-греческом языке. Долголетняя работа, выделившая ряд заимствованных слов, как турецких, так и прошедших через турецкое посредство, появилась в *Journal Asiatique* за 1911 г.¹; в следующем году на конгрессе ориенталистов в Афинах Ронзевалль изложил свои основные тезисы, встреченные сочувственно греческими филологами². Критика указывала как интересный выбор темы, так и колоссальный материал, основанный преимущественно на личных наблюдениях.

В личных наблюдениях была сила Ронзевалля. Тонко развитое, фонетически восприимчивое ухо позволяло ему улавливать все оттенки произношения; блестящая память и редкая воспроизводительная способность навсегда сохраняли эти оттенки в его сознании. Особенно отчетливо выступили эти свойства в двух работах по арабской диалектологии. Первая трактует об употреблении и образовании формы **فَعُولٌ** под двумя аспектами в двух статьях. Если в одной из них³ освещение классически-литературного

¹ 10 серия, т. XVIII, стр. 69 сл., 257 сл., 405 сл.

² *Les emprunts turcs dans le grec vulgaire de Roumélie et spécialement d'Adrianople* (MFO V², 1912, 572—588). Отчет о конгрессе помещен им в *ал-Маширик*—XV, 1912. 401—413.

³ *وزن فَعُولٌ في العربية* (ал-Маширик—XV, 1912, 946—950).

материала основано на данных арабской грамматической литературы и сравнительной грамматики семитических языков, иначе говоря на тех источниках, которые в общем доступны и нам, то в другой¹ освещенне той же формы в современном сирийском диалекте является результатом собственных наблюдений. Примыкая в общем к толкованию Fischer'a относительно той же формы в египетском диалекте², Ронзевалль устанавливает ее ласкательное значение. Для правильной оценки надо принять во внимание, что все почти примеры употребления этой формы собраны и в большинстве случаев отмечены автором впервые.

Такой же строго аналитический и детальный характер носит последняя крупная работа Ронзевалля, вышедшая отдельным оттиском в 1914 г., но напечатанная в томе *Mélanges*, который выпущен только в 1921 г.³ Это — «Заметки по сравнительной арабской диалектологии. Диалект Танжера и Сирии». В 1911 г. вышла книга французского ученого Marçais «Арабские тексты из Танжера»⁴ — вообще одна из лучших работ по северно-африканским диалектам арабского языка. Ронзевалль проанализировал глоссарий Marçais, занимающий почти $\frac{3}{5}$ книги; привлеченный им сирийский материал позволил во многих случаях разъяснить остававшиеся недоразумения. Более важным результатом надо считать тот вывод, что в арабских диалектах, даже отделенных таким пространством, не редко совершенно одинаковая манера трактовки, одинаковые фонетические изменения и семантические оттенки. Иногда из Марокко мост перекидывается непосредственно в Сирию, минуя Тунис и Египет, которые пошли другим путем. И здесь основной материал доставили Ронзеваллю собственные наблюдения. Не нужно, конечно, специально оговаривать, что он хорошо знаком и с европейской литературой по диалектам; важной его заслугой является то, что он впервые в широком масштабе привлекает мало известную литературу на диалекте сирийских эмигрантов в Америке.

Таково научное наследие Ронзевалля, к которому следует прибавить еще ряд критических статей в ал-Манрике и *Mélanges* (в последнем томе между прочим посмертных). Если теперь вспомнить про те требования, которые были обращены к другому лицу этого ученого, то окажется, что его печатное наследие, частью выходящее за рамки нашего интереса, не так

¹ Note sur les caritatifs en فَعُولٌ — فَعُولَةٌ dans l'arabe de Syrie (MFO—V², 1912, 197*—202*).

² ZDMG—LVIII, 1904, 875—876.

³ Notes de dialectologie arabe comparée. Le dialecte de Tanger et celui de Syrie (MFO—VII, 23—66).

⁴ W. Marçais. Textes arabes de Tanger. Transcription, traduction annotée, glossaire. Paris. 1911.

незначительно. В ал-Машрике ему принадлежит ряд статей по психологии, описание нескольких летних экскурсий по Сирии, ряд годовых политических обзоров, начиная с 1908 г., не малое количество полемических статей.

Преподавательской работе Ронзевалль при своей добросовестности посвящал много труда. Во время моего пребывания в Бейруте в 1908 — 1910 г. он вел два курса: синтаксиса классического языка, излагавшегося им систематически-лекционно, что обыкновенно в Европе не делалось, и практических занятий по сирийскому диалекту на анализе некоторых юмористических произведений американских эмигрантов¹. Довольно многочисленная аудитория в первом случае ограничивалась двумя слушателями во втором. Всегда ровный и сдержанный профессор оживлялся именно на последних лекциях: здесь особенно часто появлялась необычная на его устах улыбка при анализе какого-нибудь остроумного места в тексте.

Ронзевалль был одним из инициаторов связанного с восточным факультетом органа *Mélanges*, а с 1907 г. и редактором их. Им выпущено 6 томов; знаменательно, что последний, законченный его некрологом, заканчивает серию, которая с прекращением деятельности факультета будет называться *Mélanges de l'Université St. Joseph*.

За судьбу научного востоковедения в Сирии опасаться нет оснований. Арабско-французская традиция здесь очень сильна и с восстановлением нормального хода жизни восстановятся и старые очаги в той или иной форме, появятся и новые люди. Не вернуться только отшедшие деятели и грустно их поминать тому, у кого с ними связан период своей собственной жизни.

И. Крачковский.

П. Декабрь, 1921.

---

¹ Более подробные данные о характере преподавательской работы Ронзевалля сообщены мной в упомянутой статье «Восточный Факультет Университета св. Иосифа в Бейруте» стр. 18—20 отд. отт.